

Уроки родной истории

Пособие для юношества,
агностиков и вообще

Мы завершаем публикацию цикла эссе известного писателя Вячеслава ПЬЕЦУХ (начало см. в №№ 35, 36, 38, 39, 43, 45, 47).

Сдается, то, что мы называем гражданскими правами и демократическими свободами, представляет собой промежуточный этап в развитии человечества, как переселение народов и тотемизм. На эту позицию наводит такое соображение: все-таки идеальной организацией общества следует считать ту, которая обеспечивает бескомпромиссное подавление зла добром, господство труда над прибавочной стоимостью, абсолютизм здравого смысла, подневольное положение сумасшедших, составляющих среди нас едва ли не большинство, диктатуру моральных норм. К тому же с демократическими институтами сопряжено множество неудобств – например, народ возьмет и выберет в президенты прямого уголовного, который посулит семь выходов в неделю или какой-нибудь русский Журден из бывших приемщиков стеклотары возьмет и издаст газету на матерном языке...

В общем, свобода есть зло, вытекающее из неспособности человечества к настоящей самоорганизации, поскольку свобода представляет собой инструмент, присвоенный слабыми и неправедными особями, которые могут им оперировать только во имя зла. А сильный и праведный всегда свободен хоть при Сасанидах, хоть при наследниках Ильича. Ему нет дела до цензуры, потому что самый хитроумный цензор не способен постичь гигантской асоциальной силы "Братьев Карамазовых"; ему нет дела до "железного занавеса", потому что, если уж очень приспичит, он построит вертолет из бензопилы "Дружба" и улетит. Впрочем, помнится, очень казалось обидным, что твои возможности передвижения зависят от отдельно взятого дурака.

Удивительная закономерность: в России чем страшнее жизнь, тем чудеснее песни. Кажется, со времен Иоанна Грозного страна не знала такого бешеного террора, который ей устроил хитрый осетин Сталин, и что же – никогда, ни прежде, ни после, у нас не сочиняли столько песен изумительной силы и красоты...

Мнится, в этой несообразности кроется какое-то обещание, залог, то есть тем больше у нас оснований поверить в то, что наша Россия со временем превратится в процветающую страну. Если, конечно, до той поры не сопьемся, не выродимся, не покоримся азиатам, не распадемся на удельные города. Но ведь одолели же мы Гитлера, которого, по логике вещей, никак не должны были одолеть, и построили среди болот Четвертый, красносламенный Рим со всем, что к нему прилагается, – рабами, вселенской идеей, самой мощной в мире военной машиной, своими гаруспиками, жертвоприношениями и отцами нации, ведущими происхождение от богов.

Отсюда такое предположительное заключение: мы – народ сверхъестественной живучести и настолько причудливо талантливый, что умеем выводить пользу даже из общественно-хозяйственных катастроф. Ну кого еще можно довести до такого градуса изобретательности, чтобы он построил вертолет из бензопилы "Дружба" и улетел...

Всякая здоровая государственность ориентирована таким образом, чтобы человеку было хорошо. Русские марксисты в семнадцатом году вроде бы именно так и ставили вопрос, разве что они вывели за рамки понятия "человек" так называемого классового врага. Однако на поверку вышло, что благополучие труженика – дело деся-

В. Пьецух

тое, что при нашей невзыскательности его с лихвой обеспечивают прочная пайка и поголовная занятость, и в действительности наша парасоциалистическая государственность все семьдесят четыре года своего существования работала на войну. Вернее сказать, на то, чтобы содержать в неприкосновенности безграничную власть десятка-другого старичков, которые волею судеб засели по адресу: Москва, Красная площадь, Кремль.

Особенно обидно, что на самом деле никто на их власть и не покушался, если не считать сумасшедшего Гитлера, – наверное, Запад как-то укрепился в мысли, что русского мужика лучше не сердить, поскольку он тогда себя не помнит, и, если нужно двенадцать раз погибнуть за город Ржев, он двенадцать раз погибнет и не сморгнет*.

Философ и президент довоенной Чехословацкой Республики Томаш Масарик утверждал, что "в конце концов побеждают идеалисты"; у них, может быть, так оно и есть, а у нас сначала побеждают идеалисты, потом материалисты, потом опять идеалисты – так история и течет. Только в продолжение одного века материалиста Столыпина сменил идеалист Ленин, того – материалист Сталин, того – идеалист Хрущев, того – материалист Брежнев, и так вплоть до наших гнетущих дней. Впрочем, на характере русской государственности эти пертурбации почти не сказываются и она может позволить себе любые шатания, поскольку хозяйство нашей страны издревле держится на том, что работнику почти ничего не платят или не платят решительно ничего.

Но если бы наши владыки читали книги, то идеализм у нас не перетекал бы с такой легкостью в материализм и власть была бы последовательнее и стройнее. Работнику от этого будет не легче, но все же, положим, откроет владыка книгу, положим, Василия Александровича Слепцова, а там написано: "Прежде чем строить храм, позаботься о том, чтобы противник не сделал из него конюшни". И, может быть, тот храм абсолютной социальной справедливости, который взяли строить большевики, равно как и храм демократических свобод, который возвели наши либералы, вышли бы не так подозрительно похожи на лагерь общего режима: наверху паханы, с ними дружатся контролеры, а по периферии ни за что труждаются мужики.

Судя по тому, что матерная брань вдруг стала в России лексической нормой, будущее нашей страны затруднительно предсказать. Но почему-то кажется, что Россия еще не выпила свою чашу, что еще многое впереди.

А мы все приходим невесть откуда, и все уходим невесть куда.

* По соображениям генерала Вальтера Моделя, командовавшего германскими войсками на Ржевском направлении, на одного его убитого солдата приходилось до дюжины русаков.

Вячеслав ПЬЕЦУХ

Кульмюра - 2002 - 28 Дек - 014